

Аналитический отчет

Миграция в контексте изменений климата и окружающей среды в государствах Пражского процесса, не входящих в ЕС: изучение уязвимостей, пробелов в политике и доступных механизмов защиты

Об авторе

Доктор Кьяра Шисса является научным сотрудником в области права ЕС в Болонском университете — Alma Mater Studiorum в рамках проекта Стартового гранта (StG) Европейского исследовательского совета (ERC) «Блюстители международного беженского права? – Роль судов в формировании доступа к убежищу» (ACCESS). Она также является исследователем в программе «Энергия, климат и ресурсы» в Институте международных отношений (Istituto Affari Internazionali) в Риме. Доктор Шисса консультировала и составляла отчеты по вопросам изменения климата и миграции в различных регионах мира для EuroMed Rights, MOM и ICMPD. Получила степень - доктора (PhD) юридических наук с отличием в Школе перспективных исследований Св. Анны, где также работала научным сотрудником по вопросам изменения климата и миграции.

Авторское право

Международный центр по развитию миграционной политики, 2024 г.

© Все права защищены. Ни одна часть этой публикации не может быть переиздана, размножена, распространена или использована в любой форме электронными или механическими средствами, включая фотокопии, микропленки и записи, или в любой системе хранения и поиска данных без письменного разрешения правообладателя.

Содержание настоящей публикации является ответственностью исключительно ее авторов и никоим образом не отражает взгляды Европейского Союза.

Обязательное цитирование: Кьяра Шисса (2024).

Миграция в контексте изменений климата и окружающей среды в государствах Пражского процесса, не входящих в ЕС: изучение уязвимостей, пробелов в политике и доступных механизмов защиты. Пражский процесс, Международный центр развития миграционной политики (ICMPD), Вена. Prague Process Secretariat

Секретариат Пражского процесса
Международный центр по развитию миграционной политики (ICMPD)
Ротшильдплац 4
А-1020 Вена
Австрия

www.pragueprocess.eu

www.icmpd.org

www.linkedin.com/company/prague-process

www.facebook.com/PragueProcess

Резюме

В настоящем аналитическом отчете рассматриваются политические вызовы и меры реагирования на миграцию, вызванную изменениями климата и окружающей среды (англ. МЕСС) в государствах Пражского процесса, не входящих в ЕС (ГПП, не входящие в ЕС). В нем приводятся примеры, обосновывающие взаимосвязь между изменением климата и миграцией, и подробно рассматривается влияние, которое изменение климата может оказать на миграционные перемещения. В отчете исследуется роль ЕС в поддержке адаптации к изменению климата в ГПП, не входящих в ЕС, а также приводятся размышления о влиянии, которое скрытые и продолжающиеся конфликты, часто связанные с нехваткой воды и неэффективным управлением (и без того скудными) природными ресурсами, могут оказывать на усугубление климатической уязвимости и миграционных перемещений. В отчете описываются соответствующая национальная практика защиты, охватывающая широкий круг лиц, как граждан, так и неграждан, подверженных климатическим и экологическим факторам. В нем также анализируются имеющиеся механизмы защиты в контексте миграции, вызванной изменениями климата и окружающей среды, на национальном и международном уровнях.

ГПП, не входящим в ЕС, рекомендуется активнее взаимодействовать на наднациональном уровне для разработки комплексных и единообразных политических мер реагирования на конкретные климатические и экологические вызовы, вынуждающие население покидать свои дома, а также на связанные с этим потребности в защите. Государствам следует совершенствовать меры по адаптации к изменению климата и смягчению его последствий в рамках своей внутренней и внешней политики, а также укреплять региональное сотрудничество по вопросам климата и окружающей среды. Наконец, им следует рассмотреть возможность разработки или укрепления согласованных действий, регионального сотрудничества и соглашений о трансграничных водах для надлежащего и справедливого управления общими водными ресурсами, их использованием и распределением. Это, в свою очередь, углубит региональную интеграцию, помогая избежать эскалации напряженности или конфликтов из-за природных ресурсов.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Региональный профиль государств Пражского процесса, не входящих в ЕС	6
1.1. Климатическая уязвимость и обусловленная ею динамика миграции	6
1.2. Конфликты, природные ресурсы и изменение климата	9
Карабах	9
Абхазия и Южная Осетия	10
Украина	11
Центральная Азия	11
1.3. Влияние политики ЕС на адаптацию к изменению климата	13
Глава 2. Механизмы защиты и помощь лицам, спасающимся от климатических и экологических изменений	16
Выводы и политические рекомендации	20
Источники	22

ВВЕДЕНИЕ

Изменение климата и ухудшение состояния окружающей среды становятся важнейшими факторами мобильности населения. Глобальное потепление усугубляет последствия, частоту и интенсивность стихийных бедствий и экстремальных погодных явлений. В результате отдельные лица и сообщества по всему миру все чаще вынуждены перемещаться в поисках безопасности, стабильности и лучших условий жизни. Данное явление, часто называемое миграцией, вызванной изменением климата и окружающей среды (англ. МЕСС), представляет собой серьезный вызов для политиков, особенно в регионах, где экологическая уязвимость сочетается с политической нестабильностью, экономической неустойчивостью, вооруженными конфликтами и ограниченными возможностями государственного управления.

Государства Пражского процесса, не входящие в ЕС (ГПП, не входящие в ЕС) – разнообразная группа стран, охватывающая Восточную Европу, Западные Балканы, Центральную Азию и Южный Кавказ¹ – также подвержены влиянию этой динамики.¹ Изменение климата в их случаях является фактором, усиливающим угрозу, взаимодействуя с другими политическими и социально-экономическими факторами, усугубляя уязвимость, снижая устойчивость и вызывая миграционные перемещения внутри этих стран и из них.

Связь между изменением климата и миграцией, а также влияние конфликтов и нехватки ресурсов на климатическую уязвимость и миграционные перемещения являются важными особенностями этого региона и лежат в основе настоящего отчета, в котором представлен компилятивный анализ сложного взаимодействия этих особенностей, а также предпринимаемых усилий по их решению.

Глава 1 открывается представлением регионального профиля ГПП, не входящих в ЕС, с акцентом на климатической уязвимости и обусловленной ею динамикой миграции. В ней также рассматривается взаимодействие между конфликтами и природными ресурсами, которое усиливает миграционное давление, и изучается, как политика ЕС по адаптации к изменению климата способствует снижению этого давления путем повышения устойчивости к изменениям окружающей среды в ГПП, не входящих в ЕС.

В Главе 2 рассматриваются механизмы защиты и помощи, предоставляемые лицам, спасающимся от изменений климата и окружающей среды, сравниваются национальные подходы в регионе и выявляются соответствующие недостатки.

В заключение в отчете приводятся политические рекомендации, направленные на усиление защиты лиц, перемещенных из-за климатических и экологических факторов, а также на улучшение соответствующего (суб)регионального сотрудничества. Он является шагом к пониманию масштаба стоящих перед нами вызовов, позволяя лицам, формирующим политику в регионе Пражского процесса, ориентироваться в сложившейся ситуации.

¹ Государства Пражского процесса, не входящие в ЕС, охваченные настоящим отчетом: Страны Западных Балкан (Албания, Босния и Герцеговина, Косово*, Северная Македония, Черногория, Сербия); Страны Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан); Страны Восточного партнерства (Армения, Азербайджан, Грузия, Молдова, Украина); Страны Шенгенского соглашения (Лихтенштейн, Норвегия, Швейцария) и Турция. * Данное название используется без ущерба для позиции по статусу и соответствует Решению 1244/1999 Совета Безопасности ООН и Заклчению Международного суда о Декларации независимости Косово.

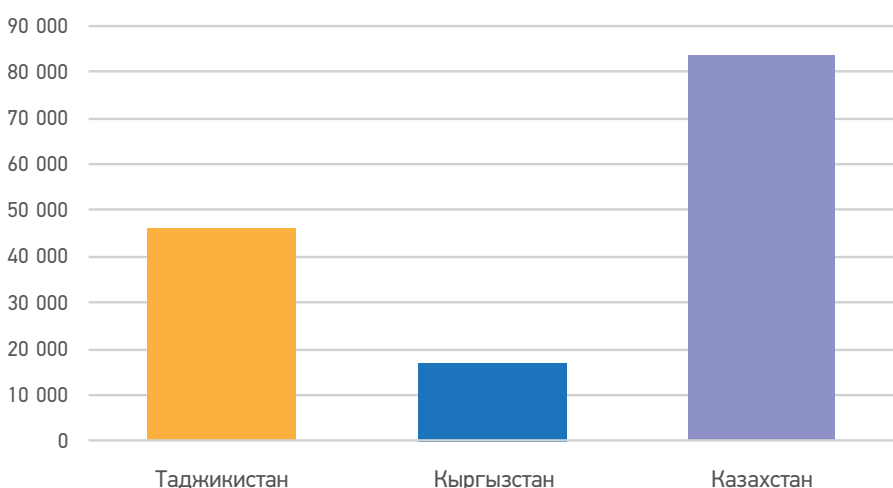
ГЛАВА 1. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ ГОСУДАРСТВ ПРАЖСКОГО ПРОЦЕССА, НЕ ВХОДЯЩИХ В ЕС

1.1. Климатическая уязвимость и обусловленная ею динамика миграции

В регионе Пражского процесса **Центральная Азия** становится одним из наиболее уязвимых к изменению климата регионов, сталкиваясь со значительными рисками засушливости и экстремальных погодных явлений. Прогнозируемый рост интенсивности и частоты внезапных бедствий, таких как наводнения и засухи, может усугубить деградацию земель и опустынивание, подрывая экономику, зависящую от чувствительных к климату секторов, таких как сельское хозяйство, энергетика и производство хлопка. Прогнозируется, что растущий дефицит воды и резкое повышение температуры в регионе нанесут значительный экономический ущерб, что может привести к потере рабочих мест.² К 2030 г. Центральная Азия может потерять около 32 300 постоянных рабочих мест из-за теплового стресса, при этом ожидается, что больше всего пострадает Таджикистан, потеряв около 4,9 тыс. постоянных рабочих мест.³

Зависимость Центральной Азии от ископаемых видов топлива, таких как нефть и газ в Казахстане и Узбекистане, а также гидроэлектростанций в Кыргызстане и Таджикистане, снижает их устойчивость к изменению климата.⁴ Факты свидетельствуют, что климатические и экологические факторы все больше формируют модели мобильности населения в Центральной Азии, включая внутреннее перемещение, миграцию из сельской местности в города, трансграничную трудовую миграцию и плановое переселение.⁵ В Кыргызстане изменение климата уже побудило многих лиц, работающих в секторах, чувствительных к климату, мигрировать за рубеж в поисках лучших экономических возможностей. Недавно страна признала, что нехватка чистой воды и земли, неурожай и стихийные бедствия являются одними из наиболее распространенных факторов, вызывающих вынужденную миграцию, перемещение и переселение.⁶ Аналогичным образом в Таджикистане целые общины были переселены из районов, подверженных стихийным бедствиям, в то время как тысячи людей в Казахстане были перемещены из-за наводнений и стихийных пожаров.⁷

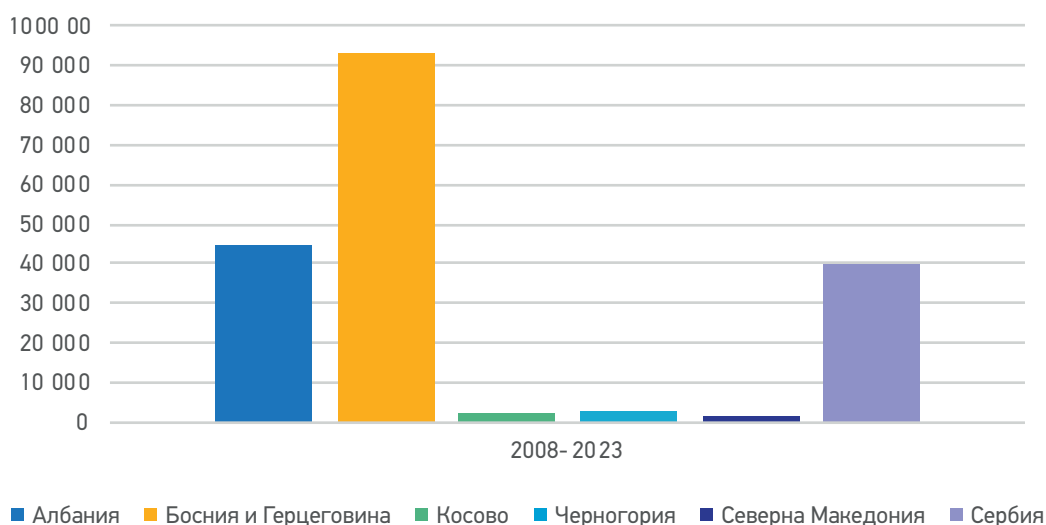
График 1. Внутреннее перемещение в результате стихийных бедствий в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане (2008-2023)

Источник: Сбор данных IDMC о внутренних перемещениях в результате стихийных бедствий в отдельных странах

Западные Балканы отражают уязвимость Центральной Азии, где изменение климата, стихийные бедствия и ухудшение состояния окружающей среды оказывают существенное влияние на регион. Босния и Герцеговина является одной из наиболее подверженных стихийным бедствиям стран на Западных Балканах – более 80% ее муниципалитетов подвержены риску наводнений и оползней.⁸ Имеются данные не только о том, что ухудшение состояния окружающей среды уже поспособствовало эмиграции, но и о том, что взаимосвязь между миграцией, климатическими и экологическими факторами становится движущей силой иммиграционных и транзитных потоков. Исследование МОМ показало, что 5% опрошенных мигрантов и соискателей убежища, путешествующих через Западные Балканы, называют изменения окружающей среды и климата основной причиной выезда из своих стран происхождения.⁹

График 2. Внутреннее перемещение в результате стихийных бедствий на Западных Балканах (2008-2023)

Источник: Сбор данных IDMC о внутренних перемещениях в результате стихийных бедствий в отдельных странах

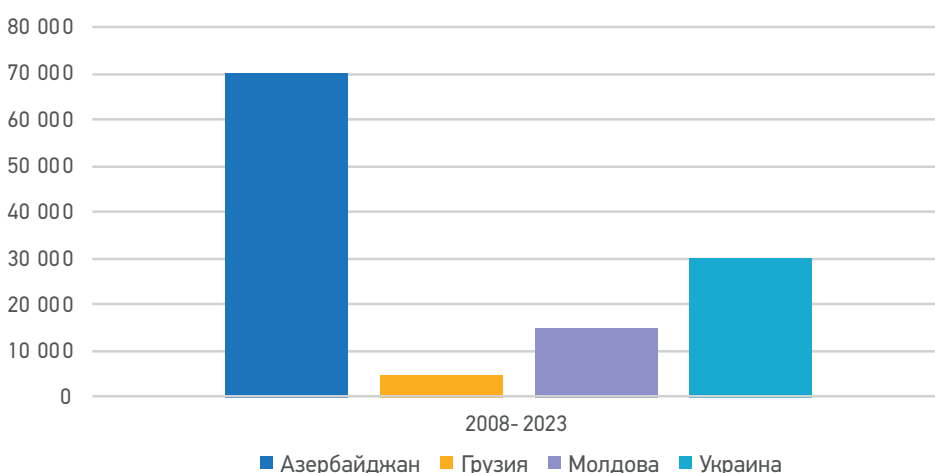
Турция также уязвима к неблагоприятным последствиям изменения климата – в период с 2008 г. по 2023 г. в результате стихийных бедствий было перемещено 4,5 млн чел., в основном из-за землетрясений. Если не принять срочных мер, то усиление засух и аномальной жары, а также повышение уровня моря, прибрежная эрозия и внезапные погодные явления могут обойтись Турции в 2,26% ВВП к 2050 г.¹⁰ Глобальное потепление также сокращает доступность воды для производства продовольствия и сельского хозяйства, усугубляя социальное и региональное неравенство и миграцию из сельских районов в города. Строительство крупных плотин с 1970-х годов, направленное на смягчение нехватки воды, вместо этого ухудшило состояние окружающей среды и нанесло ущерб сельскохозяйственной деятельности турецких фермеров, а также привело к вынужденному переселению и внутренней миграции фермеров и сезонных работников из сельских районов в городские.¹¹ Такие проекты по строительству плотин, как Гюнейдогу Анадолу (Юго-Восточная Анатолия)¹² и плотина Ататюрка¹³, привели к перемещению сотен тысяч людей, зачастую вынуждая семьи переселяться в неблагоприятных условиях. Процесс переселения не обеспечил адекватной компенсации людям за утраченную ими землю, а также не учел их потребности и социально-экономическую уязвимость. Национальная перепись 2000 г. выявила значительный рост городского населения из-за интенсивного использования пахотных земель, что привело к миграции из сельских районов в города, особенно с востока страны на запад.¹⁴ Спустя годы правительство признало, что утрата или

ненадлежащее использование природных ресурсов приводит к бедности, которая, в свою очередь, вызывает «массовую миграцию из сельских районов в города» в поисках лучших возможностей трудоустройства.¹⁵

Землетрясения 2023 г. в Турции еще раз подчеркнули сложную связь между бедствиями и миграцией. В феврале 2023 г. в 11 турецких провинциях произошли разрушительные землетрясения, которые серьезно затронули общины мигрантов, особенно сирийцев. Это привело к временным и внутренним перемещениям из городских в более безопасные сельские районы, вынужденному переселению в незатронутые соседние провинции и добровольному возвращению в более безопасные районы в странах происхождения, включая Сирию.¹⁶ Правительство Турции временно приостановило выдачу разрешений на поездки в пострадавших провинциях и оказало поддержку переселенным мигрантам, включая помощь с продовольствием, арендой жилья и оплатой счетов, однако многие мигранты столкнулись с неизлеченными психологическими проблемами и с трудом удовлетворяли основные потребности, особенно в жилье.¹⁷

В рамках **Восточного партнерства** страны Южного Кавказа постепенно становятся суше и теплее, сталкиваясь с оползнями и наводнениями. Отсутствие продовольственной безопасности, утрата биоразнообразия и нехватка воды являются серьезными проблемами для этих стран. В этом контексте **Грузия** ожидает роста числа «экологических мигрантов» и разрабатывает программы защиты для детей и их семей, вынужденных переселиться из-за «стихийных бедствий или кризисов, вызванных изменением климата».¹⁸ **Азербайджан** признал, что большинство его нынешних экологических проблем обусловлены неустойчивой промышленной и сельскохозяйственной политикой, усугубленной массовыми перемещениями из-за давления на пахотные земли, водные ресурсы и системы управления отходами.¹⁹ Аналогичные проблемы существуют и за пределами Кавказа. **Молдова**, с ее зависимостью от сельского хозяйства и импорта энергоресурсов, особенно уязвима к повышению температуры, засухливости и таким стихийным бедствиям, как наводнения, штормы и засухи.²⁰ **Молдова** признала, что климатический кризис может привести к вынужденной миграции и что климатические факторы способствовали ускорению эмиграции из страны, что привело к заброшенности земель и нехватке рабочей силы в сельском хозяйстве.²¹ **Украина** также сталкивается с повышенными рисками изменения климата, поскольку увеличивается вероятность засух и наводнений, угрожающих сельскохозяйственному производству.²² Бедствия, вызванные продолжающейся войной в Украине, еще больше усугубляют эти проблемы, вероятно, влияя на будущие модели миграции.

График 3. Внутреннее перемещение в результате стихийных бедствий в Азербайджане, Грузии, Молдове и Украине (2008-2023)

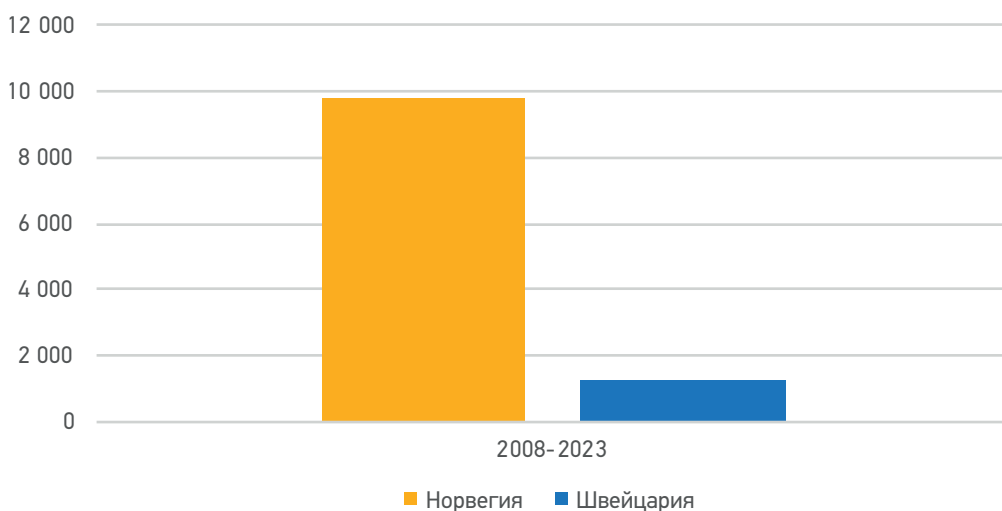

Источник: Сбор данных IDMC о внутренних перемещениях в результате стихийных бедствий в отдельных странах

В пределах **Шенгенской зоны** страны также не защищены от последствий изменения климата. Так, **Лихтенштейн** ожидает продолжительные периоды жары и уменьшение осадков, что может усилить водный стресс в сельском хозяйстве и снизить урожайность. Повышенная частота экстремальных событий, таких как лесные пожары, штормы и лавины, также может повлиять на леса. В **Норвегии** ожидается, что повышение температур ускорит таяние снега и уменьшит объем ледников, что приведет к повышению уровня моря и участвующим экстремальным погодным условиям. Норвежские прибрежные районы, уже уязвимые к штормовым нагонам, как ожидается, будут чаще подвергаться затоплению. Только в 2023 г. штормы привели к 5,8 тыс. внутренних перемещений, что подчеркивает продолжающееся влияние этих экстремальных погодных явлений.²³ В **Швейцарии** потенциальное глобальное потепление на 1,5°C может привести к локальному увеличению на 3°C, ускоряя отступление и таяние альпийских ледников и влияя на доступность воды для сельского хозяйства и энергетики. В 2023 г. сухие и влажные оползни вместе с лесными пожарами вынудили переселиться сотни человек в Швейцарии.²⁴

График 4. Внутреннее перемещение в результате стихийных бедствий в Норвегии и Швейцарии (2008–2023)

Источник: Центр мониторинга внутреннего перемещения (IDMC), Сборник данных о внутренних перемещениях в результате стихийных бедствий в отдельных странах

Исследование воздействия изменения климата на нерегулируемую миграцию в страны ЕС и Шенгенского соглашения²⁵ предполагает, что погодные явления, такие как более интенсивные осадки в странах происхождения, могут повлиять на миграцию в Европу. По мере того, как эти тенденции проявляются в различных регионах, взаимосвязь изменения климата, деградации окружающей среды и миграции становится все более очевидной, подчеркивая насущную необходимость в комплексных, адаптивных мерах.

1.2. Конфликты, природные ресурсы и изменение климата

Карабах

Конфликты из-за природных ресурсов, особенно воды, еще больше усложняют связь между изменением климата и миграцией в регионе. На Южном Кавказе реки Кура и Аракс служат важными источниками воды, протекая через несколько стран, перед тем, как впадают в

Каспийское море. Распределение воды в регионе неравномерно, при этом Грузия является самой богатой водой страной, а Азербайджан – самой бедной. Водные ресурсы были значительным фактором в конфликте между Арменией и Азербайджаном, особенно в отношении Сарсангской плотины и гидроэлектростанции в Карабахе, которые вырабатывают большую часть электроэнергии региона. В 2015 г. Азербайджан выразил обеспокоенность в Парламентской ассамблее Совета Европы по поводу неисправности плотины, ссылаясь на отсутствие регулярного обслуживания и связанные с этим риски для всего региона, а также на умышленное ограничение подачи воды для азербайджанских жителей в приграничных районах.²⁶ Резолюция Ассамблеи 2016 г. расценила это как «экологическую агрессию».²⁷

Взаимные обвинения Армении и Азербайджана в экоциде и экологическом ущербе затруднили усилия по достижению мирного и успешного соглашения по управлению водными ресурсами. В январе 2023 г. Азербайджан подал иск против Армении в соответствии с Бернской Конвенцией об охране дикой фауны и флоры и природных сред обитания в Европе 1979 г., обязательной для обеих стран, с обвинениями в разрушении окружающей среды, вызванной вырубкой лесов, загрязнением и потерей биоразнообразия во время конфликта в Карабахе. Одновременно население Карабаха обвинило Азербайджан в препятствовании ремонту линий электропередач, что привело к нехватке электроэнергии. В том же году Парламентская ассамблея Совета Европы призвала государства воздержаться от использования окружающей среды в качестве тактики ведения войны и настоятельно рекомендовала преследовать экоцид, одновременно создавая меры защиты для «экологических беженцев», покидающих зону вооруженного конфликта.²⁸

Конфликт за водные ресурсы в Карабахе продолжался до сентября 2023 г., когда Азербайджан вернул контроль над регионом, фактически положив конец самопровозглашенной «Республике Арцах». ЕС вмешался, чтобы поддержать усилия по нормализации отношений между Арменией и Азербайджаном, а также помочь Армении в размещении более 100 тыс. чел., покинувших Карабах и переехавших в Армению. В апреле 2024 г. Армения и Азербайджан достигли предварительного соглашения о делимитации границы и территориальной целостности, в то время как ЕС объявил о Плате устойчивости и роста на сумму €270 млн для поддержки Армении в течение следующих четырех лет.

Абхазия и Южная Осетия

Замороженные конфликты в самопровозглашенных регионах Грузии – Абхазии и Южной Осетии – изолировали эти территории от международной защиты окружающей среды и сотрудничества, ограничивая их способность эффективно смягчать неблагоприятные последствия изменений климата и справляться с бедствиями, особенно землетрясениями и оползнями. Несмотря на то, что реки Лиахви и Ингури пересекают территории Грузии, Южной Осетии и Абхазии, Грузия и два ее самопровозглашенных региона не имеют общих систем распределения водных ресурсов и управления ими. Отсутствие коммуникации и сотрудничества между этими территориями привело к сокращению речного стока и подорвало способность рек поддерживать естественную экосистему.²⁹ Помимо этого, плотина и гидроэлектростанции на реке Ингури, расположенные на территории Грузии и Абхазии, остаются критически важными для энергетической безопасности, служа основным источником электроэнергии как для Грузии, так и для самопровозглашенной Абхазии. Конфликтующие стороны согласились поддерживать их постоянную работу, но разногласия по распределению энергоресурсов сохраняются.

Украина

Вторжение России в Украину в феврале 2022 г. нанесло серьезный ущерб окружающей среде наряду с гуманитарными и экономическими последствиями. Атаки на химические заводы, нефтяные базы и водные объекты вызвали загрязнение воздуха, воды и почвы в Украине, нанеся ущерб экосистемам и биоразнообразию. Согласно Министерству экологии и природных ресурсов Украины, к июлю 2023 г. было зарегистрировано 2 450 случаев военных действий России с прямым воздействием на окружающую среду и 257 случаев экологических преступлений. Разрушение Каховской дамбы, крупнейшей в Украине, в июне 2023 г. привело к катастрофическим наводнениям, массовому переселению и человеческим жертвам, с долгосрочными экологическими и медицинскими последствиями. ЕС осудил нападение, квалифицировав его как экоцид и худшую экологическую катастрофу в Европе со времен Чернобыля.³⁰

Конфликт усугубил уязвимость Украины к изменениям климата, вынудив страну перенаправить средства с климатических инициатив на устранение последствий войны. Более того, национальные усилия по достижению климатической нейтральности затруднены тем, что Россия использует поставки энергоресурсов в качестве оружия, а также значительным ущербом возобновляемым энергетическим системам Украины. Война, вероятно, усугубит климатический кризис и задержит глобальный переход на возобновляемую энергию.³¹ Более того, можно предположить, что заражение и загрязнение, связанные с войной, станут дополнительным фактором миграции из Украины.¹¹ Так, уничтожение нефтяных отраслей может привести к экологической катастрофе, включая разливы нефти и выбросы токсичных материалов, что вынудит людей бежать от непоправимого ущерба. Кроме того, Украина в настоящее время является одной из наиболее заминированных территорий в мире. Она сталкивается с серьезными экологическими и гуманитарными вызовами, так как мины и неразорвавшиеся снаряды ограничивают свободу передвижения, доступ к основным услугам и средствам к существованию. Эти вопросы все чаще рассматриваются при оценке защиты.

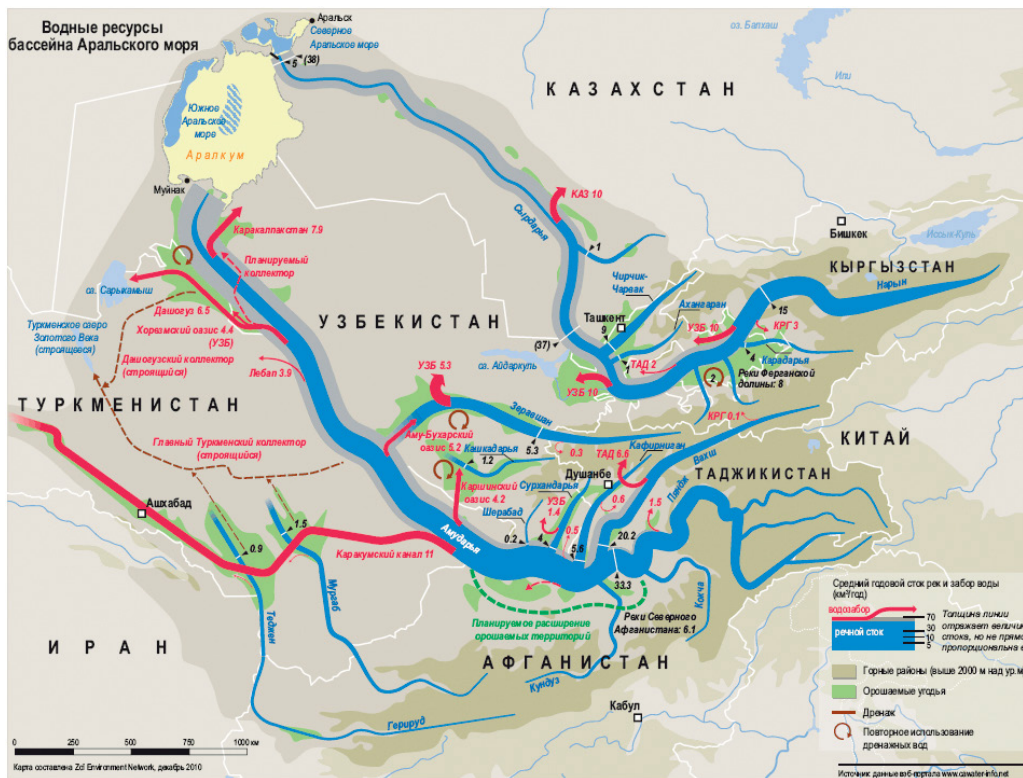
Центральная Азия

В Центральной Азии часто возникает напряженность из-за пограничных споров и контроля над общими природными ресурсами, особенно водой, что приводит к перемещению, небезопасности и политической нестабильности.³² Бассейны рек Сырдарья и Амударья – главных рек в Центральной Азии, которые пересекают Афганистан, Иран, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан и впадают в Аральское море – лежат в центре этих конфликтов. После распада Советского Союза страны Центральной Азии подписали Алматинское соглашение 1992 г., декларирующее равные права на использование воды и ответственность за обеспечение рационального использования и защиты общих водных ресурсов. Однако сотрудничество ослабло из-за неравномерного распределения воды и конкурирующих экономических и политических интересов.³³ Кыргызстан и Таджикистан, богатые водой, но бедные энергоносителями, нуждаются в воде для производства энергии, тогда как нижележащие страны, такие как Казахстан, Туркменистан и Узбекистан, богатые энергоносителями, но бедные водой, нуждаются в воде для сельского хозяйства. Из-за этого несоответствия нехватка воды и неудовлетворительное управление превращаются в значительные угрозы для региональной стабильности и безопасности, а при отсутствии успешного сотрудничества — в источник конфликта. Тот факт, что страны в Центральной Азии, по прогнозам, скоро столкнутся с нехваткой воды, еще больше усугубляет аспекты безопасности.³⁴ Столкновения также

¹¹ Корреляция между миграцией и загрязнением, хотя и не вызванная конфликтами, была отмечена еще в 2006–2011 гг. путем сравнения уровня отходов, опасных веществ и загрязненной воды в западных регионах Украины с уровнем миграции из этих регионов за данный период. Андель И. (2013). Экологическая миграция населения в регионах Украины // Социально-экономические проблемы современного периода Украины 3(101):451–457.

происходят из-за распределения воды на неопределенных землях, особенно в Ферганской долине и вокруг нее между Кыргызстаном и Таджикистаном. Здесь споры за водные ресурсы между соседними деревнями часто перерастают в международные вооруженные конфликты, приводя к гибели людей и вынужденному переселению.

Карта 1. Основные реки в Центральной Азии

Источник: Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия Центральной Азии, http://www.icwc-aryl.uz/activity_ru.htm

Споры по поводу строительства плотин вдоль рек Сырдарья и Амударья еще больше усугубляют напряженность, так как страны, расположенные выше по течению, получают выгоду от гидроэнергетики за счет стран, расположенных ниже по течению, предоставляя странам-строителям плотин более ощутимую власть над водными ресурсами. Уменьшение Аральского моря, вызванное строительством плотин и изменением климата, является «ярким примером экологических изменений и человеческой мобильности в Центральной Азии».³⁵ Местные сообщества в регионах Узбекистана и Казахстана, окружающих озеро, были вынуждены покинуть свои дома из-за утраты источников средств к существованию. Около 80% миграционных движений из Козокдарье в Узбекистане и из Кызылорды в Казахстане были непосредственно или косвенно вызваны экологической деградацией и связанным с этим социально-экономическим крахом.³⁶

Центральноазиатские страны подчеркивают серьезные последствия неравномерного распределения воды на различных *форумах*. Узбекистан, отвечая на призыв Специального докладчика по вопросам содействия и защиты прав человека в контексте изменения климата, заявил в 2022 г., что треть его населения проживает в районах, подверженных бедствиям и экологическому упадку, сталкиваясь с возрастающими рисками, вызванными изменением климата. Эти проблемы приводят к серьезным социально-экономическим последствиям, внутренней миграции и снижению доступности воды для сельского хозяйства, что приводит к тому, что

90% сельскохозяйственных угодий Узбекистана требуют искусственного орошения.³⁷ В Национальном обращении Таджикистана за 2022 г. утверждается, что бедность и водные конфликты вызваны плохим управлением водными ресурсами и отсутствием водных прав, а не дефицитом воды. В отчете Евразийского банка развития за 2023 г. по вопросам сохранения водных ресурсов в Центральной Азии подчеркивается необходимость создания новых механизмов сотрудничества в трансграничных речных бассейнах, основанных на более глубокой экономической интеграции между странами Центральной Азии.³⁸

Напряженность из-за водных ресурсов также может возникнуть между странами Центральной Азии и Афганистаном, где управление водными ресурсами страдает от неудовлетворительного управления и неэффективного менеджмента. Возвращение талибов к власти в 2022 г. остановило 32 проекта по охране окружающей среды с международным финансированием на сумму 805 млн долл. США.³⁹ Масштабные ирригационные программы Афганистана, включая строительство канала Кош-Тепа, начатое в 2022 г., угрожают значительно сократить доступность воды для Туркменистана и Узбекистана, рискуя потерей до 15% верхних вод Амударьи и угрожая их сельскохозяйственным секторам.⁴⁰ Строительство канала Кош-Тепа может привести к дальнейшей политической нестабильности и дипломатическим напряжениям в Центральной Азии и вокруг нее. Несмотря на некоторые двусторонние договоренности, такие как двусторонний коллоквиум между Афганистаном и Туркменистаном и два Меморандума о взаимопонимании между Таджикистаном и Афганистаном по обмену гидрологическими и экологическими данными, не существует обязательных договоренностей между странами Центральной Азии и Афганистаном по совместному использованию водных ресурсов в бассейне реки Амударья. В то же время Афганистан до сих пор воздерживался от установленных механизмов сотрудничества, таких как Международный фонд спасения Аральского моря или Межгосударственная комиссия по водному сотрудничеству.⁴¹

1.3. Влияние политики ЕС на адаптацию к изменению климата

Сотрудничество между ЕС и ГПП, не входящими в ЕС, имеет решающее значение для продвижения климатической устойчивости, особенно в свете амбициозных целей Зеленой сделки ЕС по адаптации к изменению климата и достижению климатической нейтральности в соответствии с Парижским соглашением об изменении климата. ЕС является лидером зеленого перехода и использует свой опыт для поддержки соседних стран в принятии зеленых обязательств и мер по смягчению последствий изменения климата через диалог, сотрудничество и обеспечение соответствия нормам ЕС в области климата.

Через Соглашение о Европейской экономической зоне ЕС распространил значительные части своего законодательства в области климата, включая Систему торговли выбросами ЕС и правила ЕС по землепользованию и лесному хозяйству, на Норвегию и Лихтенштейн. В апреле 2023 г. ЕС сформировал Зеленый альянс с **Норвегией** для усиления сотрудничества в области климатических действий, чистой энергии, промышленной трансформации и охраны окружающей среды.

В соответствии с Европейским климатическим законом, приверженность ЕС климатической нейтральности отражена в его двусторонних связях и переговорах о присоединении со странами-кандидатами на вступление в ЕС, одним из требований которых является согласование

с климатическими и экологическими подходами ЕС. Страны **Западных Балкан**, пять из которых являются кандидатами в члены ЕС, должны соблюдать Парижское соглашение и выполнять цели ЕС по энергоэффективности, выбросам парниковых газов и возобновляемым источникам энергии.⁴² Подобно государствам-членам ЕС они должны представить свои Национальные энергетические и климатические планы, которые направят регион на путь энергетического перехода и климатической нейтральности. Зеленая повестка 2020 г. для Западных Балкан направлена на помощь этим странам в переходе к климатической нейтральности через декарбонизацию, циркулярную экономику, сохранение биоразнообразия, устранение загрязнений и устойчивое развитие. Кроме того, посредством климатического обеспечения инвестиций ЕС стремится содействовать странам Западных Балкан в подготовке и реализации долгосрочных стратегий адаптации к изменению климата для повышения устойчивости. Большинство стран Западных Балкан разрабатывают климатические рамочные программы в соответствии с Европейским климатическим законом, хотя и с неравномерным успехом.ⁱⁱⁱ

Основываясь на повестке реформ «20 целей на 2020 год», Европейская комиссия и **страны Восточного партнерства** установили пять долгосрочных целей, известных как «приоритеты Восточного партнерства после 2020 года». Эти приоритеты включают экологическую и климатическую устойчивость, которые будут достигаться через планы государственного управления и инвестиций, направленные на снижение загрязнения воздуха, обеспечение всеобщего доступа к чистой воде и санитарным удобствам, а также повышение общественной осведомленности и вовлеченности в вопросах изменения климата на всех уровнях государственного управления.⁴³ Амбициозные цели Зеленой сделки ЕС находят отклик в странах Восточного партнерства, которые в числе прочего обязаны укреплять свою климатическую политику и зеленые инвестиции в соответствии с Зеленой сделкой. Это включает переход к устойчивым продовольственным системам в соответствии со стратегией ЕС «От фермы до вилки». Более того, ЕС будет помогать странам-партнерам в реализации их Определяемого на национальном уровне вклада (NDC) для достижения климатической нейтральности и наращивания адаптации к изменениям климата. Украина, Молдова и Грузия как кандидаты в члены ЕС также получают поддержку через Договор об учреждении Энергетического Сообщества,^{iv} ключевые цели которого сосредоточены на мониторинге и сокращении выбросов парниковых газов и снижении зависимости от ископаемых видов топлива.

Турция также продемонстрировала свою приверженность Зеленой сделке ЕС, опубликовав свой План действий по Зеленой сделке в 2021 г. и установив цели и действия по девяти кластерам, включая корректировку углеродных границ, зеленую и циркулярную экономику, зеленое финансирование и повышение осведомленности в отношении Зеленой сделки ЕС.

В **Средней Азии** ЕС поддерживает устойчивость и адаптацию к изменению климата посредством таких проектов, как инициатива «Team Europe» по водным ресурсам, энергетике и изменению климата, стартовавшая в ноябре 2022 г. Проект направлен на улучшение управления водными и энергетическими ресурсами, а также на борьбу с изменением климата.⁴⁴ В рамках

ⁱⁱⁱ Фрагментация среди прочего касается стратегий адаптации к изменению климата, которые были приняты всеми странами Западных Балкан, за исключением Северной Македонии и Сербии, а также Закона об изменении климата, который уже был принят в Албании и Сербии, в то время как Косово*, Черногория и Северная Македония находятся на стадии разработки, а Босния и Герцеговина еще не начала работать над ним. См., Совет по региональному сотрудничеству (2023). Зеленая повестка Плана действий для Западных Балкан – Отчет о выполненной работе за 2022 год. СРС: Босния и Герцеговина.

^{iv} Договор, учреждающий Энергетическое Сообщество, был первоначально подписан в октябре 2005 г. между ЕС и девятью государствами, не входящими в ЕС. Это такие страны: Албания, Босния и Герцеговина, Грузия (присоединилась в 2017 г.), Косово*, Молдова (присоединилась в 2010 г.), Северная Македония, Сербия, Украина (присоединилась в 2011 г.) и Черногория. Болгария, Румыния и Хорватия также были договаривающимися сторонами, пока не стали полноправными членами ЕС.

“Глобального портала” ЕС финансирует техническую помощь для поддержки стран Центральной Азии в решении проблемы нехватки воды и улучшения политики адаптации. ЕС также признал, что изменение климата и ухудшение состояния окружающей среды являются потенциальными факторами усиления угроз в Центральной Азии. Например, Стратегия ЕС по Центральной Азии 2019 г. направлена на принятие во внимание «связи между окружающей средой, климатом и безопасностью в ее политическом диалоге, предотвращение конфликтов, развитие и гуманитарные действия, а также стратегии снижения риска бедствий в Центральной Азии», тем самым косвенно учитывая взаимосвязь между изменением климата и миграцией.⁴⁵ Значительным шагом вперед стало одобрение Совместной дорожной карты по углублению связей между ЕС и Центральной Азией на 19-й Встрече Министров ЕС и Центральной Азии в октябре 2023 г. Дорожная карта определяет сотрудничество в области энергетики, климатически нейтральной экономики и адаптации, отражая растущий приоритет адаптации к изменению климата в регионе.

Акцент на адаптацию очевиден в развивающихся правовых системах стран Центральной Азии. Так, **Казахстан** установил приоритеты адаптации к изменению климата в своем новом Экологическом кодексе,⁴⁶ а **Кыргызстан** признал необходимость стратегий адаптации к изменению климата для повышения устойчивости в своей Национальной стратегии устойчивого развития на 2018–2040 годы.⁴⁷ В обновленном документе об Определяемом на национальном уровне вкладе (NDC) **Таджикистана** за 2021 г. подчеркивается стратегическая важность мер адаптации в энергетике, промышленности и сельском хозяйстве, а также отмечается актуальность социальных и гендерных вопросов доступа к воде.^v Это также отражает двусторонние программы ЕС и Таджикистана по водным и энергетическим ресурсам, стартовавшие в 2021 г. и 2022 г. и направленные на содействие государственному управлению трансграничными водными ресурсами. **Узбекистан** принял стратегию низкоуглеродной энергетики и разрабатывает план адаптации, ориентированный на орошение, сельскохозяйственные цепочки и зеленую энергетику.⁴⁸ Между тем Национальная стратегия по изменению климата **Туркменистана** 2019 г. определяет ключевые сектора адаптации к изменению климата и поощряет исследования по оценке воздействия высоких температур на здоровье с целью разработки решений по адаптации организма человека к неблагоприятным климатическим условиям. В Стратегии также подчеркивается важность повышения осведомленности молодежи о проблемах изменения климата и повышения устойчивости детей.⁴⁹

Несмотря на эти достижения, остаются значительные вызовы. **Страны Центральной Азии** различаются по своей способности выполнять климатические обязательства, что требует структурных реформ и усиленной региональной интеграции для борьбы с экономическими угрозами, вызванными изменением климата.⁵⁰ ЕС работает над поддержкой этих усилий через Стратегию ЕС для Центральной Азии 2019 г. и двусторонние Соглашения о расширенном

^v Вопросу гендера и участия женщин-работниц в секторах экономики, чувствительных к климату, особенно в сельском хозяйстве, было уделено особое внимание в Национальной стратегии Таджикистана активизации роли женщин в Республике Таджикистан на 2011–2020 годы, где стратегия предлагала улучшить доступ женщин к земельным ресурсам, упростить доступ женщин к кредитам и повысить уровень их образования, в т.ч. путем улучшения их навыков в сельскохозяйственном производстве. Программа среднесрочного развития Таджикистана на 2021–2025 годы не только охватывает вопросы охраны окружающей среды, изменения климата и стихийных бедствий, но также признает значимость разработки гендерно-чувствительных индикаторов для изменения климата как адаптивных мер. В своем пересмотренном Определяемом на национальном уровне вкладе (NDC) 2021 г. Таджикистан подтверждает свою приверженность исследованию взаимосвязи между гендером и изменением климата. Таджикистан признает, что гендерное неравенство присутствует в стране и является результатом традиций и гендерных стереотипов о роли женщин в семье и обществе, с одной стороны, и большого количества домашних хозяйств, возглавляемых женщинами, из-за масштабной мужской трудовой миграции, с другой стороны. Для противодействия гендерному неравенству в контексте изменения климата правительство обязуется предпринять ряд мер, включая повышение осведомленности, улучшение понимания связи между гендером и изменением климата в контексте развития, а также укрепление потенциала и предоставление возможностей для активного участия женщин в устойчивом развитии.

партнерстве и сотрудничестве с Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном, направленные на содействие созданию тесно взаимосвязанного экономического и политического пространства.⁵¹ Прогресс **Турции** в области адаптации к изменению климата и соответствующих нормативных актов был медленным, что отражено в выводах отчета Европейской комиссии за 2023 г., при этом Турция по-прежнему сталкивается со значительными вызовами в части смягчения последствий и адаптации. Существуют также расхождения между целями и задачами Турции и теми, которые установлены ЕС. Турция планирует достичь нулевого уровня выбросов к 2053 г., на три года позже целевого показателя 2050 г., предусмотренного Зеленой сделкой, а ее первый пересмотренный Определяемый на национальном уровне вклад (NDC) предусматривает сокращение выбросов парниковых газов на 41% к 2030 г., не достигая цели Зеленой сделки по сокращению на 55%. Кроме того, Турция нуждается в долгосрочной стратегии декарбонизации для поддержки своей цели по достижению нулевых выбросов и еще не учла несколько ключевых аспектов Зеленой сделки.⁵²

Успешная реализация адаптационной политики в **странах Восточного партнерства и Центральной Азии** также зависит от надлежащего финансирования. Эти страны подчеркнули необходимость сбалансированного распределения международного финансирования, уделяя равное внимание как проектам по адаптации, так и по смягчению последствий, поскольку проекты по смягчению последствий – особенно в энергетическом секторе – в настоящее время получают больше финансирования.⁵³ Для удовлетворения этих финансовых потребностей Стратегия доступа к климатическому финансированию и мобилизации для Центральной Азии и Южного Кавказа на 2023–2030 годы сосредоточена на укреплении институционального потенциала на национальном и региональном уровнях, улучшении доступа к существующим ресурсам климатического финансирования и мобилизации климатического финансирования.⁵⁴

ГЛАВА 2. МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ И ПОМОЩЬ ЛИЦАМ, СПАСАЮЩИМСЯ ОТ КЛИМАТИЧЕСКИХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

В ГПП, не входящих в ЕС, национальная практика защиты в контексте миграции, вызванной изменением климата и окружающей среды, значительно различается. Некоторые страны начали учитывать климатические аспекты в своей миграционной политике и политике убежища, в то время как другие отстают, предлагая фрагментарную и непоследовательную защиту.

С течением лет **Турция** включила миграционные вопросы в свою комплексную стратегию управления на случай чрезвычайных ситуаций, чтобы обеспечить безопасность, защиту и помощь гражданам и мигрантам. Среди прочего в Стратегическом плане Национального управления на случай стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций на 2013–2017 годы упоминается внутренняя миграция или перемещение из-за изменений климата или ядерных аварий.⁵⁵ Стратегическое руководство по планированию Плана уменьшения рисков бедствий на 2019–2023 годы подчеркивает риск значительных миграционных перемещений из соседних стран в связи с бедствиями. План уменьшения рисков бедствий на 2022–2030 годы признает бедствия причиной физических и социально-экономических потерь, включая безработицу, снижение

производства и миграционные перемещения. Стратегия и план действий по смягчению последствий изменения климата на 2024–2030 годы, а также Стратегия и план действий по адаптации к изменению климата на 2024–2030 годы направлены на противодействие неблагоприятным последствиям изменения климата, включая инициативы по улучшению циркулярной экономики и поддержке экономической деятельности, увеличивающей доходы с целью предотвращения миграции из сельских районов. Закон Турции об иностранцах и международной защите позволяет выдавать разрешение на проживание из гуманитарных соображений на срок до одного года в конкретных случаях, таких как невозможность депортации из-за чрезвычайных ситуаций или чрезвычайных обстоятельств.⁵⁶ При этом неясно, учитывает ли это положение климатические и экологические факторы.

В Центральной Азии **Таджикистан** предлагает наивысший уровень защиты мигрантам и трудовым мигрантам, пострадавшим от климатических и экологических факторов, признавая непосредственную связь между изменением климата и миграцией на политическом уровне. Национальная стратегия адаптации к изменению климата до 2030 года, принятая в 2019 г., определяет миграцию как одну из семи ключевых межсекторальных областей. В документе подчеркивается, что «изменение климата, по-видимому, станет важной движущей силой, порождающей будущие миграции», а деградация окружающей среды оказывает все большее влияние на модели миграции, включая временную международную или внутреннюю трудовую миграцию, миграцию из сельской местности в города или постоянную миграцию за рубеж. Стратегия определяет экологических мигрантов как «лиц, проживающих в экологически опасных районах, подлежащих плановому переселению для предотвращения потерь человеческих жизней вследствие стихийных бедствий», где причины переселения включают проживание в районах, подверженных оползням, лавинам, селям и другим стихийным бедствиям, представляющим угрозу для жизни.⁵⁷

Подобно Стратегии, Постановление Правительства Таджикистана об экологической миграции и Закон о миграции 1999 г., с изменениями 2018 г., рассматривают экологическую миграцию как запланированное переселение граждан, вынужденно перемещенных из-за «стихийных бедствий», в более безопасные районы,⁵⁸ исключая трансграничную миграцию и внутренние добровольные перемещения, как адаптационный ответ на климатические и экологические факторы. В то же время Таджикистан выдает или продлевает визы трудовым мигрантам в случае бедствий, как это установлено Законом о миграции,⁵⁹ и может выдавать визы в форс-мажорных ситуациях, определяемых как «непредвиденные и непредотвратимые события, происходящие в результате чрезвычайных ситуаций (стихийных бедствий, военных действия и других подобных случаев)», в соответствии с Приказом 2017 г. о Правилах оформления визы и электронной визы иностранным гражданам и лицам без гражданства.⁶⁰

На Западных Балканах **Албания** реализовала несколько решений в отношении проблемы трансграничной миграции в условиях стихийных бедствий. Закон об иностранцах позволяет оформлять визу на границе в исключительных случаях на срок до 15 дней, в частности, в чрезвычайных случаях, вызванных стихийными бедствиями, наводнениями или авариями.⁶¹ В пересмотренном Законе об иностранцах 2021 г. появились дополнительные положения о защите мигрантов, пострадавших от стихийных бедствий, включая разрешение на временное проживание из гуманитарных соображений для иностранцев, «бежавших от стихийных бедствий/событий, обрушившихся на их страну»,⁶² и освобождение от получения разрешения на трудоустройство для трудовых мигрантов, участвующих в работах по ликвидации последствий стихийных бедствий и находящихся в стране до одного месяца в течение года.⁶³

В рамках Восточного партнерства, **Грузия, Украина и Азербайджан** предлагают разные подходы к миграции, вызванной изменением климата и окружающей среды. **Грузия** занимает активную позицию в преодолении воздействия климата и экологических факторов на миграцию как внутри своих границ, так и за их пределами. Она определяет экологических мигрантов как своих граждан, эвакуированных, переселенных или перемещенных в результате стихийных бедствий и техногенных катастроф.^{vi} В своем Определенном на национальном уровне вкладе за 2021 г. Грузия подчеркнула острую необходимость в мерах адаптации, особенно для уязвимых групп, таких как дети, женщины, пожилые люди, лица с ограниченными возможностями, лица с хроническими заболеваниями и экологические мигранты, перемещенные или находящиеся под угрозой перемещения из-за бедствий, вызванных изменением климата.⁶⁴ Понимая, что стихийные бедствия также могут стать причиной трансграничной миграции, Грузия предоставляет гуманитарную защиту негражданам и лицам, не имеющим разрешение на постоянное проживание, если они «въехали в Грузию из соседней страны происхождения в результате стихийного бедствия».⁶⁵

Азербайджан придерживается более узкого взгляда на взаимосвязь между изменением климата и миграцией, уделяя больше внимания внутренним перемещениям. Он определяет *экологических мигрантов* как лиц, вынужденных перемещаться внутри страны из-за конкретных стихийных бедствий, таких как изменение уровня Каспийского моря, оползни, сели и засоление почв, в поисках работы в других частях страны, включая крупные города, такие как Баку.^{vii} Закон Азербайджана «О статусе беженцев и вынужденных переселенцев» также позволяет применять статус ВПЛ к лицам, вынужденным покинуть свое постоянное место жительства на территории страны из-за стихийных бедствий или техногенных катастроф.⁶⁶ Помимо внутренней миграции и перемещения, климатические и экологические факторы также признаются веской причиной для продления визы иностранных граждан и лиц без гражданства, которые во время транзита через территорию Азербайджанской Республики пострадали от стихийного бедствия, препятствующего движению транспорта, в результате чего их пребывание превышает срок, указанный в визах.⁶⁷

На подход **Украины** к миграции, вызванной изменением климата и окружающей среды, существенно повлияли прошлые ядерные и военные кризисы. Чернобыльская катастрофа послужила толчком к принятию обширного законодательства в Украине относительно эвакуации, переселения и «самостоятельного переселения граждан» в более безопасные районы.^{viii} В октябре 2014 г. Украина приняла новый закон о ВПЛ, которые определяются как граждане, иностранцы и лица без гражданства, пребывающие на законных основаниях и «вынужденные покинуть свое место жительства в результате или во избежание негативных последствий [...] чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера», тем самым распространив защиту также на мигрантов, проживающих в Украине и пострадавших от стихийных бед-

^{vi} Так, в Третьем национальном сообщении Грузии к Рамочной конвенции ООН об изменении климата этот термин использовался для описания укоренившейся характеристики региона Абхазии, постоянно подверженного оползневым и селевым процессам. См. Республика Грузия (2015). Третье национальное сообщение к Рамочной конвенции ООН об изменении климата, 145, 167.

^{vii} Азербайджанская Республика, Постановление от 13 июля 2004 г. № 94. Концепция Азербайджанской Республики по политике управления миграцией. Полное определение «экологических мигрантов» – это лица, «вынужденные сменить места проживания ввиду изменения уровня Каспийского моря, земляных оползней, селей и других стихийных бедствий, а также засоления почв из-за отсутствия необходимых средств и техники для осуществления мелиорационных работ, а также социально-экономические мигранты, связанные с потоком трудоспособного населения, направившимся из сельских районов в крупные города, в особенности в Баку и на Апшеронский полуостров, на котором он расположен, в поисках работы».

^{viii} К ним относятся Закон Украинской ССР «О статусе и социальной защите лиц, пострадавших вследствие Чернобыльской катастрофы», принятый 28 февраля 1991 г.; Концепция проживания населения на территориях Украинской ССР с повышенными уровнями радиоактивного загрязнения в результате Чернобыльской катастрофы, принятая 27 февраля 1991 г.; Закон Украины «О статусе и социальной защите лиц, пострадавших вследствие Чернобыльской катастрофы» и соответствующее Постановление Кабинета Министров Украины «О Порядке отселения и самостоятельного переселения граждан с территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению вследствие аварии на Чернобыльской АЭС», принятые в 1992 г.

ствий.⁶⁸ Кроме того, Украина расширила определение временной защиты для охвата притока мигрантов, ищущих защиты из-за стихийных или антропогенных бедствий.^{ix}

Хотя в **Швейцарии и Норвегии** отсутствуют конкретные правовые положения, защищающие мигрантов, спасающихся из-за климатических и экологических факторов, обе страны внесли свой вклад в глобальное понимание этого явления. В 2012 г. правительства Швейцарии и Норвегии возглавили и профинансировали Инициативу Нансена – возглавляемый государством и осуществляемый по восходящему принципу консультативный процесс, поддержанный 109 государствами мира (в настоящее время замененный Платформой по вопросам перемещения, вызванного бедствиями), целью которой было достижение консенсуса по защите лиц, перемещенных через границы в результате стихийных бедствий и последствий изменения климата.⁶⁹ С тех пор две страны ведут диалог с целью изучения уникальной динамики изменения миграции, вызванной изменением климата и окружающей среды, и соответствующих потребностей в защите. Швейцарское законодательство предоставляет временную защиту в каждом конкретном случае лицам, уже находящимся в Швейцарии, если их возвращение будет угрожать их жизни или физической неприкосновенности, напр., из-за войны, гражданских конфликтов, всеобщего насилия или в случае необходимости получения медицинской помощи.⁷⁰ В свете этого положения Швейцария утверждает, что ее внутреннее законодательство способно защитить лиц, которым будет грозить серьезная и конкретная опасность вследствие изменения климата в случае возвращения в страну происхождения, в частности, когда это связано с вопросами физической неприкосновенности и здоровья.

В последние годы наблюдается растущий интерес к расширению сферы применения Конвенции о беженцах 1951 г. – краеугольного камня международного права в отношении беженцев – и ее Нью-Йоркского протокола 1967 г. для решения проблемы миграции, вызванной изменением климата и окружающей среды). В каждом конкретном случае статус беженца может применяться в ситуациях, когда стихийные бедствия, изменение климата или ухудшение состояния окружающей среды способствуют возникновению обоснованных опасений преследования, демонстрируя отсутствие защиты со стороны государства.⁷¹ ГПП, не входящие в ЕС, приветствовали возможность изучить сложное взаимодействие между Конвенцией о беженцах 1951 г. и миграцией, вызванной изменением климата и окружающей среды. В частности, **Узбекистан**, единственное государство Пражского процесса, которое воздержалось от присоединения к Конвенции, включилось в обсуждение и поддерживает использование термина «климатические беженцы» для определения лиц, вынужденных спасаться «из-за установленных рисков стать жертвами стихийных бедствий, представляющих реальную угрозу для жизни человека», и распространение сферы действия Конвенции на таких лиц.⁷²

Несмотря на некоторые прогрессивные толкования норм, касающихся беженцев, более широкое применение статуса беженца в контексте климатических и экологических факторов затрудняется непоследовательной государственной практикой, которая не соответствует международным стандартам. Системы убежища постоянно сталкиваются с вызовами, включая трудности в обеспечении полного соответствия международным обязательствам в отношении беженцев и прав человека. Высказываются опасения относительно обращения с соискателями убежища, беженцами и мигрантами, включая случаи применения ограничительной практики,

^{ix} Статья 1 Закона Украины «О беженцах и лицах, нуждающихся в дополнительной или временной защите», принятого в 2011 г., включает такое понятие, как «лица, нуждающиеся во временной защите», и определяет их как «иностранцы и лица без гражданства, массово вынужденные искать защиты в Украине вследствие внешней агрессии, иностранной оккупации, гражданской войны, столкновений на этнической почве, природных или техногенных катастроф или других событий, нарушающих общественный порядок в определенной части или на всей территории страны происхождения».

такой как выдворение, недопуск и задержание. В ряде случаев государства вводили ограничения на передвижение своих граждан, в т.ч. на право покидать страну. В определенных контекстах соображения политики и безопасности могут преобладать над обязательствами по защите беженцев и прав человека, что приводит к исключениям или ограничениям в процессах убежища, а иногда приводит к ограничению доступа определенных национальных групп к защите. Также широко распространены опасения по поводу отказа соискателям убежища в обеспечении основных прав и отсутствия тщательной оценки их ходатайств, особенно когда речь идет о соображениях национальной безопасности. Даже в местах с развитой правовой базой были задокументированы случаи нарушения основных положений законодательства о беженцах, таких как принцип запрета на принудительную репатриацию, что подчеркивает глобальные вызовы для приведения внутренней практики в соответствие с международными стандартами в области прав беженцев и человека.⁷³

ВЫВОДЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Все государства Пражского процесса, не входящие в ЕС, уязвимы перед неблагоприятными последствиями изменения климата и демонстрируют уникальные модели миграции. Несмотря на общие климатические риски и явные доказательства того, что изменения климата и окружающей среды влияют на миграционные потоки на национальном и региональном уровнях, соответствующее воздействие в регионе остается недостаточно изученным. Кроме того, отсутствие достаточно развитой наднациональной координации подрывает по-настоящему общие и комплексные меры реагирования на миграцию, вызванную изменением климата и окружающей среды. В этом контексте роль ЕС в согласовании мер по обеспечению устойчивости к изменению климата и адаптации в регионе Пражского процесса приобретает особую актуальность, особенно для стран Шенгенской зоны, не входящих в ЕС, и стран-кандидатов на вступление в ЕС, чье соответствие политике ЕС в области климата и охраны окружающей среды является обязательным.

ГПП, не входящим в ЕС, рекомендуется развивать сотрудничество и партнерство с ЕС для достижения климатических целей, согласованных в рамках Парижского соглашения, и укреплять региональное сотрудничество по вопросам климата и окружающей среды.

Как и другие регионы мира, страны, рассматриваемые в настоящем отчете, представляют собой пример комплексного воздействия ухудшения климатических условий и политической нестабильности на миграционные потоки. Политическая ситуация и ситуация в сфере безопасности в регионе остаются неустойчивыми. Дефицит воды, вероятно, усугубится из-за изменения климата, и без скоординированных усилий столкновения из-за общих водных ресурсов могут стать более интенсивными. В то же время ущерб окружающей среде, вызванный войной, подрывает устойчивость к изменению климата и может оказать влияние на миграционные потоки.

- ▶ Для надлежащего и справедливого управления общими водными ресурсами, их использованием и распределением в этих государствах срочно необходимы согласованные действия, региональное сотрудничество и соглашения по трансграничным водам. Это, в свою очередь, углубит региональную интеграцию, помогая избежать эскалации напряженности или конфликтов из-за природных ресурсов между государствами.

- ▶ ГПП, не являющимся членами ЕС, настоятельно рекомендуется разработать или укрепить рамки регионального сотрудничества для улучшения защиты окружающей среды в контексте вооруженных конфликтов. При этом государствам следует учитывать ключевые принципы, вытекающие из законодательства в области охраны окружающей среды и прав человека, с целью сохранения окружающей среды, обеспечивая при этом соблюдение прав человека затронутых сообществ.

В управлении миграцией, вызванной изменением климата и окружающей среды, ГПП, не входящие в ЕС, могут опираться на эффективные механизмы в области прав беженцев и человека, обеспечивая при этом полное соблюдение основных прав мигрантов и беженцев. Непоследовательное применение и толкование Конвенции о статусе беженцев 1951 г. в сочетании с отсутствием региональных соглашений о беженцах и правах человека в большинстве субрегионов Пражского процесса представляют собой основные политические вызовы для признания и защиты лиц, вынужденных покинуть свои страны из-за климатических и экологических факторов. Учитывая влияние ЕС на гармонизацию политики в области миграции и убежища в регионе, Союз может сыграть важную роль в усилиях по обеспечению прав беженцев и человека. В этой связи любые будущие реформы Общей европейской системы убежища (CEAS), направленные на включение климатических вопросов, могут побудить государства, не входящие в ЕС, к реализации соответствующих мер.

- ▶ ГПП, не являющимся членами ЕС, рекомендуется укреплять региональное сотрудничество по вопросам убежища и прав человека с целью выполнения согласованных действий в отношении мигрантов, ищущих защиты на их территориях.
- ▶ В соответствии со своими международными обязательствами, в рамках международного беженского права, государства обязаны принципиально применять и толковать Конвенцию о беженцах 1951 г. и в полной мере соблюдать права человека мигрантов и соискателей убежища, включая принцип запрета на принудительную репатриацию. Это подразумевает необходимость учета климатических и экологических условий в стране происхождения при оценке ходатайств о предоставлении защиты.

Несмотря на отсутствие консолидированных механизмов в области прав беженцев и человека, которые могли бы обеспечить защиту мигрантов, спасающихся от климатических и экологических угроз, ГПП, не входящие в ЕС, действуют в отношении миграции, вызванной изменением климата и окружающей среды, с разных точек зрения, в т.ч. посредством принятия превентивных мер в странах, уязвимых к изменению климата, адаптации к изменению климата и управления рисками стихийных бедствий.⁷⁴ Что наиболее важно, национальные положения в некоторых из них охватывают различные категории лиц, пострадавших от изменений климата и окружающей среды, в т.ч. граждан, вынужденных переселиться в экологически безопасные районы, ВПЛ, мигрантов, ищущих защиты за рубежом из-за изменения климата, и трудовых мигрантов, пострадавших от стихийных бедствий. Несмотря на свою актуальность, усилия по выявлению, оказанию помощи и защите лиц, спасающихся от климатических и экологических факторов, остаются нестабильными и негармонизированными в регионе Пражского процесса. Они различаются по масштабу, цели и бенефициарам, а также по терминологии, используемой для определения схожих целей. Это означает, что защита остается крайне раздробленной и неопределенной.

Требуются комплексные политические меры реагирования на наднациональном уровне, чтобы 1) эффективно и единообразно реагировать на конкретные климатические и экологические вызовы, вынуждающие население покидать свои дома в каждом субрегионе; и 2) принимать надлежащие меры по защите и оказанию помощи лицам, пострадавшим от климатических и экологических факторов, путем использования миграционного законодательства и законодательства в области убежища, при соблюдении прав граждан страны. Государства, предоставляющие прямые или косвенные инструменты защиты в этих областях – такие как Таджикистан, Грузия и Албания – могут предложить полезные модели для использования при разработке политики на региональном и субрегиональном уровнях.

Источники

¹ ICMPD (2023). ICMPD, Миграционный прогноз, Западные Балканы и Турция 2023, <https://www.icmpd.org/file/download/59321/file/ICMPD%20Migration%20Outlook%20Western%20Balkans%20and%20T%20C3%BCrkiye%202023.pdf>; ICMPD (2024). ICMPD, Миграционный прогноз, Восточная Европа и Центральная Азия, 2024, <https://www.icmpd.org/file/download/60848/file/ICMPD%2520Migration%2520Outlook%2520EECA%25202024.pdf>

² Всемирный банк (2014). Turn down the heat. Confronting the new climate normal [Убавьте огонь. Встречайте новый нормальный климат], Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк.

³ МОТ (2019), Working on a warmer planet. The impact of heat stress on labour productivity and decent work [Работа на потеплевшей планете. Влияние теплового стресса на производительность труда и достойный труд]. Международная организация труда: Женева.

⁴ Vakulchuk, R., A. Isataeva, G. Kolodzinskaia, I. Overland, R. Sabyrbekov (2022) Fossil fuels in Central Asia: trends and energy transition risks, Central Asia Data Gathering and Analysis Team [Вакульчук Р., Исатаева А., Колодзинская Г., Оверленд И., Сабырбеков Р. (2022). Ископаемое топливо в Центральной Азии: тенденции и риски энергетического перехода, Группа по сбору и анализу данных в Центральной Азии] 28:1-6.

⁵ ПРООН (2012). Tajikistan: Poverty in the Context of Climate Change [Таджикистан: Бедность в контексте изменения климата]. Программа развития ООН. Национальный доклад о развитии человеческого потенциала, 80; Viviane, С., K.K. Rigaud, A. de Sherbinin, B. Jones, S. Adamo, J. Schewe, N. Sadiq, E. Shabahat (2021). Groundswell Part II: Acting on Internal Climate Migration [Вивиан К., К.К. Риго, А. де Щербинин, Б. Джонс, С. Адамо, Дж. Шеве, Н. Садик, Э. Шаббахат (2021). Groundswell, Часть II: Реагирование на внутреннюю климатическую миграцию]. Всемирный банк, Международный банк реконструкции и развития, Вашингтон, округ Колумбия; Блондин С. (2019). Environmental migrations in Central Asia: A multifaceted approach to the issue in Central Asian Survey [Экологическая миграция в Центральной Азии: многогранный подход к проблеме //Центральноазиатское обозрение] 38(2): 275–92; Lukyanets, A., S. Ryazantsev, E. Moiseeva, R. Manshin (2020). 'The economic and social consequences of environmental migration in the central Asian countries' in Central Asia and the Caucasus [Лукьянец А., С. Рязанцев, Е. Моисеева, Р. Маншин (2020). Экономические и социальные последствия экологической миграции в странах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ] 21(2): 142–56.

⁶ Правительство Кыргызстана (2021). Концепция миграционной политики Кыргызской Республики на 2020–2030 годы (Постановление Правительства № 191). Бишкек.

⁷ Scissa, C., S. F. Martin (2024). Migration in the Context of Climate and Environmental Changes within Central Asia and to the European Union and the Russian Federation [Скисса К., С.Ф. Мартин (2024). Миграция в контексте изменений климата и окружающей среды в Центральной Азии, а также в Европейский Союз и Российскую Федерацию]. МОМ.

⁸ Mandic, A. (2018). Disaster Response Assessment and Road Map for Bosnia and Herzegovina. [Мандич А. (2018). Оценка реагирования на стихийные бедствия и дорожная карта для Боснии и Герцеговины]. Итальянское агентство по развитию и сотрудничеству и ПРООН.

⁹ МОМ (2023). Exploring The Links Between Migration, Environment and Climate Change in Bosnia and Herzegovina [Изучение связей между миграцией, окружающей средой и изменением климата в Боснии и Герцеговине]. Международная организация по миграции (МОМ); МОМ (2022). Evidence Summary on Climate Change and the Future of Human Mobility. [Обзор данных об изменении климата и будущем человеческой мобильности]. Международная организация по миграции (МОМ) Тематический обзор 1.

¹⁰ Фонд Евро-Средиземноморского центра по изменению климата. Атлас климатических рисков G20. Турция, <https://files.cmcc.it/g20climaterisks/Turkey.pdf>

¹¹ Čadež, T., M. Hernandez Hevia (2016). Environmental migration in Turkey: Challenges, recognition and implications for policy. [Чадеж Т., М. Эрнандес Эвиа (2016). Экологическая миграция в Турции: проблемы, признание и последствия для политики]. Международная организация по миграции (МОМ), МЕСС, Серия аналитических записок 8(2).

¹² Akça, E., R. Fujikura, Ç. Sabbag (2013). 'Atatürk Dam resettlement process: Increased disparity resulting from insufficient financial compensation' Journal of Water Resources Development [Акча Э., Р. Фудзикара, Ч. Саббаг (2013). «Процесс переселения из-за плотины Ататюрка: возросшее неравенство в результате недостаточной финансовой компенсации» // Журнал развития водных ресурсов], 29(1): 101–108.

¹³ Kadirbeyoglu, Z. (2010). 'In the Land of Ostriches: Developmentalism, Environmental Degradation, and Forced Migration in Turkey', in T. Affi, J. Jäger (eds) Environment, Forced Migration and Social Vulnerability [Кадирбейоглу З. (2010). В стране страусов: девелопментализм, деградация окружающей среды и вынужденная миграция в Турции» // Т. Афифи, Й. Йегер (ред.). Окружающая среда, вынужденная миграция и социальная уязвимость]. Springer 223–234.

¹⁴ Национальная программа действий Турции по борьбе с опустыниванием, 2006, [https://www.preventionweb.net/files/60551_turkeysnationalactionprogramoncomba\[1\].pdf](https://www.preventionweb.net/files/60551_turkeysnationalactionprogramoncomba[1].pdf)

¹⁵ ам же, 157.

¹⁶ Aslan, A. (2023). Disasters and Migration: Kahramanmaraş Earthquakes [Аслан А. (2023). Бедствия и миграция: землетрясения в Кахраманмараше] // Журнал факультета медицинских наук Измирского университета имени Катипа Челеби, 787–789.

¹⁷ Турецкий Красный Полумесяц (2023). Migrant Affected by the Disaster. Migrants affected and displaced by the earthquakes in Kahramanmaraş [Мигранты, пострадавшие от стихийного бедствия. Мигранты, пострадавшие и перемещенные в результате землетрясений в Кахраманмараше].

- ¹⁸ Республика Грузия (2009). Второе национальное сообщение к Рамочной конвенции ООН об изменении климата.
- ¹⁹ Республика Азербайджан, Государственная программа по сокращению бедности и устойчивому развитию на 2008-2015 годы (утверждена Указом № 3043 Президента Республики Азербайджан от 15 сентября 2008 г.).
- ²⁰ Fouejjieu, A. (2024). Opportunities and Challenges of Climate Adaptation Policies: Republic of Moldova [Фуежьё А. (2024). Возможности и вызовы политики адаптации к изменениям климата: Республика Молдова]. Международный валютный фонд.
- ²¹ Республика Молдова (2024). Программа адаптации к изменению климата до 2030 года, https://unfccc.int/sites/default/files/resource/NAP_Moldova_2024.pdf
- ²² Keim G. N., M. Sydorovych (2024). Policies to Address Climate Change: Ukraine [Кейм Г. Н., М. Сидорович (2024). Подходы к решению проблемы изменения климата: Украина]. Международный валютный фонд.
- ²³ Центр мониторинга внутреннего перемещения (IDMC), Профиль страны: Норвегия, <https://www.internal-displacement.org/countries/norway/>
- ²⁴ Центр мониторинга внутреннего перемещения (IDMC), Профиль страны: Швейцария, <https://www.internal-displacement.org/countries/switzerland/>
- ²⁵ Fabien Cottier, F., Salehyan, I (2021). 'Climate variability and irregular migration to the European Union' in Global Environmental Change [Фабиен Котье Ф., Салехян И (2021). Климатическая изменчивость и нерегулируемая миграция в Европейский Союз // Глобальное изменение окружающей среды], Том 69.
- ²⁶ Suleimenova, Z. (2021). 'Water Security in Central Asia and Southern Caucasus', in Asia-Pacific Sustainable Development Journal [Сулейменова З. (2021). Безопасность водных ресурсов в Центральной Азии и Южном Кавказе // Журнал устойчивого развития Азиатско-тихоокеанского региона] 27(1).
- ²⁷ Парламентская Ассамблея Совета Европы (2016). Резолюция 2085: Жителей приграничных регионов Азербайджана намеренно лишают воды.
- ²⁸ Парламентская Ассамблея Совета Европы (2023). Рекомендация 2246: Влияние вооруженных конфликтов на окружающую среду; Парламентская Ассамблея Совета Европы (2023). Резолюция 2477: Экологическое влияние вооруженных конфликтов.
- ²⁹ Veliyev, J., T. Gvasalia, S. Manukyan (2018). 'The Environment, Human Rights, and Conflicts in the South Caucasus and Turkey: Transboundary Water Cooperation as a Mean to Conflict Transformation' [Велиев Дж., Т. Гвасалия, С. Манукян (2018). Окружающая среда, права человека и конфликты на Южном Кавказе и в Турции: трансграничное водное сотрудничество как средство трансформации конфликтов] // Journal of Conflict Transformation 3(1).
- ³⁰ Европейский парламент (2023). Russia's war on Ukraine: High environmental toll [Война России против Украины: высокая экологическая цена], [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/751427/EPRS_ATA\(2023\)751427_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/751427/EPRS_ATA(2023)751427_EN.pdf)
- ³¹ Nryhorczuk, D., B.S. Levy, M. Prodanchuk (2024). 'The environmental health impacts of Russia's war on Ukraine', in Journal of Occupational Medicine and Toxicology [Григорчук Д., Б.С. Леви, М. Проданчук (2024). Воздействие войны России против Украины на здоровье окружающей среды // Журнал профессиональной медицины и токсикологии] 19(1).
- ³² IDMC (2023). Глобальный отчет о внутренних перемещениях. Центр мониторинга внутреннего перемещения.
- ³³ Berndtsson, R., K. Tussupova (2020). 'The Future of Water Management in Central Asia' [Берндтссон Р., К. Туссупова (2020). Будущее управления водными ресурсами в Центральной Азии] // Water 12(8):2241.
- ³⁴ Евразийский банк развития (2023). Efficient Irrigation and Water Conservation in Central Asia [Эффективное орошение и сохранение водных ресурсов в Центральной Азии], 16.
- ³⁵ Hermans, K. (2024). 'Climate change and mobility in Central Asia' in A. Triandafyllidou (ed) Handbook of Migration and Globalisation [Германс К. (2024). Изменение климата и мобильность в Центральной Азии // А. Триандафиллиду (ред.). Справочник по миграции и глобализации]. Edward Elgar Publishing.
- ³⁶ Anand, R. (2015). 'Environmental change and forced migration: A critical issue of Kazakhstan' [Ананд Р. (2015).

Изменение окружающей среды и вынужденная миграция: критическая проблема Казахстана] // International Journal of Science and Research 4(5):3079-3086.

³⁷ Информация Республики Узбекистан для анкеты Специального докладчика ООН по вопросам содействия и защиты прав человека в контексте изменения климата, 2022, <https://www.ohchr.org/en/calls-for-input/2022/call-inputs-report-addressing-human-rights-implications-climate-change>.

³⁸ Евразийский банк развития (2023). Efficient Irrigation and Water Conservation in Central Asia [Эффективное орошение и сохранение водных ресурсов в Центральной Азии], цит.

³⁹ Tolo news, Национальное Агентство по охране окружающей среды (NEPA) критикует отсутствие Афганистана на Конференции ООН по изменению климата COP27, 10 ноября 2022 г., <https://tolonews.com/afghanistan-180684> (по состоянию на 4 мая 2024 г.).

⁴⁰ Mamadshoev, M. (2023). Water Conflicts Loom in Central Asia. An ambitious infrastructure project in Afghanistan risks exacerbating scarcities in Uzbekistan and Turkmenistan. Institute for War and Peace Reporting [Мамадшоев М. (2023). В Центральной Азии назревают конфликты из-за водных ресурсов. Амбициозный инфраструктурный проект в Афганистане рискует усугубить нехватку воды в Узбекистане и Туркменистане. Институт по освещению проблем войны и мира].

⁴¹ Faizee, M., S. Schmeier (2023). Navigating Water (In)security in Taliban's Afghanistan. Water, Peace and Security Partnership [Файзи М., С. Шмеер (2023). В поисках водной (не)безопасности в Афганистане при Талибанае. Партнерство по вопросам водных ресурсов, мира и безопасности].

⁴² Vuković, A., Vujadinović Mandić M. (2018). Study on climate change in the Western Balkans region [Вукович А., Вуядинович Мандич М. (2018). Исследование изменения климата в регионе Западных Балкан]. Printline: Сараево.

⁴³ Европейская комиссия (2020). Joint Communication to the European Parliament and the Council. Eastern Partnership Policy beyond 2020: Reinforcing Resilience – an Eastern Partnership that delivers for all [Совместное коммюнике, адресованное Европейскому парламенту и Совету. Политика Восточного партнерства после 2020 года: Укрепление устойчивости – Восточное партнерство, приносящее пользу всем]; Европейская комиссия (2021). Recovery, resilience and reform: post 2020 Eastern Partnership priorities [Восстановление, устойчивость и реформы: приоритеты Восточного партнерства после 2020 года]. Рабочий документ Комиссии.

⁴⁴ Европейская комиссия (2022). Пресс релиз: Global Gateway: Team Europe launches two initiatives in Central Asia on energy and on digital connectivity [Глобальный портал: Team Europe запускает две инициативы в Центральной Азии в сфере энергетики и цифровой связи].

⁴⁵ Европейская комиссия (2019), Совместное коммюнике, адресованное Европейскому парламенту и Совету. The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership [ЕС и Центральная Азия: новые возможности для более прочного партнерства], 5.

⁴⁶ Республика Казахстан (2023). Обновленный Определяемый на национальном уровне вклад в глобальное реагирование на изменение климата.

⁴⁷ Кыргызская Республика (2021). Пересмотренный Определяемый на национальном уровне вклад.

⁴⁸ Adylbekova, K. (2023). Central Asia's Progress at COP 28: Paris Agreement and Climate Policy Review [Адылбекова К. (2023). Прогресс Центральной Азии на COP 28: Парижское соглашение и обзор климатической политики]. Центральноазиатское бюро аналитической журналистики.

⁴⁹ Туркменистан (2023). Nationally Determined Contribution of Turkmenistan under the Paris Agreement [Определяемый на национальном уровне вклад Туркменистана в рамках Парижского соглашения].

⁵⁰ Sabyrbekov, R., I. Overland, R. Vakulchuk (2023). 'Central Asian Climate Policy Pledges Under the Paris Agreement: Can They Be Fulfilled?', in R. Sabyrbekov, I. Overland, R. Vakulchuk (eds) Climate Change in Central Asia. Decarbonization, Energy Transition and Climate Policy [Сабырбеков Р., И. Оверланд, Р. Вакульчук (2023). Обязательства Центральной Азии по климатической политике в рамках Парижского соглашения: могут ли они быть выполнены? // Р. Сабырбеков, И. Оверланд, Р. Вакульчук (ред.). Изменение климата в Центральной Азии. Декарбонизация, энергетический переход и климатическая политика]. Springer.

⁵¹ Европейская комиссия (2019). The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership [ЕС и Центральная Азия: новые возможности для более прочного партнерства].

- ⁵² Европейская комиссия (2023). Türkiye 2023 Report. 2023 Communication on EU enlargement policy [Доклад по Турции за 2023 год. 2023 Коммюнике о политике расширения ЕС]. Рабочий документ Комиссии, 114.
- ⁵³ Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН, англ. UNFCCC) (2023). Technical Assessment of Climate Finance for Central Asia and South Caucasus [Техническая оценка климатического финансирования для Центральной Азии и Южного Кавказа], https://unfccc.int/sites/default/files/resource/UNFCCC_NBF_TA_CASC_final.pdf
- ⁵⁴ Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН, англ. UNFCCC) (2023). Climate Finance Access and Mobilization Strategy for Central Asia and South Caucasus [Стратегия доступа к климатическому финансированию и мобилизации для Центральной Азии и Южного Кавказа].
- ⁵⁵ MOM (2018). Migration Governance Overview: The Republic of Turkey [Краткий обзор государственного управления миграцией: Республика Турция]. Международная организация по миграции (МОМ) <https://www.migrationdataportal.org/sites/g/files/tmzbdl251/files/2019-04/Migration%20Governance%20Profile-The%20Republic%20of%20Turkey.pdf>; Республика Грузия (2009) Второе национальное сообщение к Рамочной конвенции ООН об изменении климата.
- ⁵⁶ Республика Турция, Закон об иностранцах и международной защите, 4 апреля 2013 г., Статья 46, https://www.unhcr.org/tr/wp-content/uploads/sites/14/2017/04/LoFIP_ENG_DGMM_revised-2017.pdf
- ⁵⁷ Правительство Таджикистана (2019). Национальная стратегия адаптации к изменению климата Республики Таджикистан на период до 2030 года. Утверждено Постановлением Правительства Таджикистана от 2 октября 2019 г., № 482 (№ 2019/482). Душанбе.
- ⁵⁸ Постановление О порядке осуществления экологической миграции в Республике Таджикистан. № 211. Душанбе, 2010; Правительство Таджикистана, Закон № 881 от 1999 г. о миграции, с изменениями, внесенными Законом № 1541 от 2018 г. Душанбе. Статья 1. См. также Gampp, L.M. (2022). Policy Analysis on Migration, Environment and Climate Change: Tajikistan [Гампп Л.М. (2022). Анализ политики в области миграции, окружающей среды и изменения климата: Таджикистан]. Международная организация по миграции (МОМ), Душанбе.
- ⁵⁹ Комитет по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (2010). Initial report of Tajikistan on implementation of the International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families [Первоначальный отчет Таджикистана о выполнении Международной конвенции ООН о защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей], 26; Mokhnacheva, D. (2022). Implementing the Commitments Related to Addressing Human Mobility in the Context of Disasters, Climate Change and Environmental Degradation. A Baseline Analysis Report Under the Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration. Platform on Disaster Displacement [Мохначева Д. (2022). Выполнение обязательств по решению вопросов человеческой мобильности в контексте бедствий, изменения климата и деградации окружающей среды. Базовый аналитический отчет в рамках Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. Платформа по вопросам перемещения, вызванного бедствиями], 29.
- ⁶⁰ Республика Таджикистан, Постановление Правительства Республики Таджикистан от 25 января 2017 г. № 31 Об утверждении Правил оформления визы и электронной визы иностранным гражданам и лицам без гражданства Республики Таджикистан (с изменениями от 30-09-2021), Статья 1.2, лит. i. <https://cis-legislation.com/document.fwx?rgn=94033>
- ⁶¹ Республика Албания, Закон № 108/2013 «Об иностранцах», с изменениями, внесенными Законом № 79/2021, Статья 26.
- ⁶² Республика Албания, Закон № 79/2021 «Об иностранцах», Статья 52.
- ⁶³ Там же, Статья 80.
- ⁶⁴ Республика Грузия (2021). Первый пересмотренный Определяемый на национальном уровне вклад, 11.
- ⁶⁵ Республика Грузия, Закон о статусе беженца и гуманитарном статусе, 6 декабря 2011 г., Статья 4(2)б.
- ⁶⁶ Азербайджанская Республика, Закон № 668-1Q от 21 мая 1999 г., «О статусе беженцев и вынужденных переселенцев (лиц, переселенных в пределах страны)».
- ⁶⁷ Азербайджанская Республика, Миграционный кодекс Азербайджанской Республики, утвержден Законом Азербайджанской Республики № 713-IVG от 2 июля 2013 г.

⁶⁸ Закон Украины «Об обеспечении прав и свобод внутренне перемещенных лиц» (2014).

⁶⁹ Инициатива Нансена (2015). Towards a Protection Agenda for People Displaced across Borders in the Context of Disasters and the Effects of Climate Change [О повестке дня по защите лиц, перемещенных через границы в контексте стихийных бедствий и последствий изменения климата], <https://www.unhcr.org/sites/default/files/legacy-pdf/5448c7939.pdf>.

⁷⁰ Швейцарская Конфедерация, Федеральный закон об иностранных гражданах и интеграции от 16 декабря 2005 г. (по состоянию на 1 января 2017 г.), Статья 83.4

⁷¹ Среди прочих Scott, M. (2020). Climate Change, Disasters, and the Refugee Convention [Скотт М. (2020). Изменение климата, бедствия и Конвенция о беженцах]. Oxford University Press

Kälin, M, Entwisle Chapisat, H. (2024). Protection of Persons Displaced Across Borders in the Context of Disasters and the Adverse Effects of Climate Change: A Review of Literature, Legislation and Case Law to Support the Implementation of the Global Compact on Refugees [Келин М., Энтвисл Шапюиза Х. (2024). Защита лиц, перемещенных через границы в контексте бедствий и неблагоприятных последствий изменения климата: обзор литературы, законодательства и судебной практики в поддержку реализации Глобального договора о беженцах]. УВКБ ООН; УВКБ ООН (2023). Climate change impacts and cross-border displacement: International refugee law and UNHCR's mandate [Влияние изменения климата и трансграничное перемещение: международное беженское право и мандат УВКБ ООН]; УВКБ ООН (2020). Legal considerations regarding claims for international protection made in the context of the adverse effects of climate change and disasters [Правовые соображения относительно заявлений о предоставлении международной защиты, поданных в контексте неблагоприятных последствий изменения климата и стихийных бедствий]; Scissa, C. (2024). 'The Weaponization of Natural Resources and Disasters During Conflict: The Refugee Convention's Relevance for Syria and Yemen', in K. Norman, A. Martín Gil, J.L. Diab (eds) Climate-Induced Displacement in the Middle East and North Africa [Скисса С. (2024). Использование природных ресурсов в качестве оружия и катастрофы во время конфликта: актуальность Конвенции о беженцах для Сирии и Йемена // К. Норман, А. Мартин Гил, Дж.Л. Диаб (ред.). Вызванное изменением климата перемещение на Ближнем Востоке и в Северной Африке]. Институт Бейкера и Ливанский Американский университет.

⁷² Ответы Республики Узбекистан на анкету Специального докладчика ООН о развитии и защите прав человека в контексте изменения климата, цит., пар. 44.

⁷³ Среди прочего Комитет против пыток (CAT), Заключительные замечания ко второму периодическому докладу Сербии, документ ООН CAT/C/SRB/CO/2, май 2015 г.; Комитет против пыток (CAT), Заключительные замечания к третьему периодическому докладу Бывшей Югославской Республики Македония, документ ООН CAT/C/MKD/CO/3, июнь 2015 г. Европейский суд по правам человека, Аккад против Турции, Заяв. № 1557/19, 21 сентября 2022 г. Тураева Р. (2023). Криминализация мобильности: ограничения на выезд в постсоветской Центральной Азии // Международная миграция. Международная организация по миграции (МОМ). Azhigulova, K. (2021). 'Regional Refugee Regimes: Central Asia', in C. Costello, J. McAdam, M. Foster (eds) The Oxford Handbook of International Refugee Law [Ажигулова К. (2021). Региональные режимы для беженцев: Центральная Азия // К. Костелло, Дж. МакАдам, М. Фостер (ред.) Оксфордский справочник по международному праву для беженцев]. Государственный департамент США (2022). Национальный доклад о соблюдении прав человека: Армения, <https://www.state.gov/reports/2022-country-reports-on-human-rights-practices/armenia/>; Европейский суд по правам человека, Тарахель против Швейцарии, Заяв. № 29217/12, 4 ноября 2014 г. Комитет против пыток (CAT), А.Н. против Швейцарии, № 742/2016, 03 августа 2018 г.; Комитет против пыток (CAT), Харун против Швейцарии, Заявление № 758/2016, 6 декабря 2018 г.

⁷⁴ Jeenbaeva, J., S. Banerjee (2022). Policy Analysis on Migration, Environment and Climate Change: Tajikistan [Жинбаева Дж., С. Банерджи (2022). Анализ политики в области миграции, окружающей среды и изменения климата: Кыргызстан]. Международная организация по миграции, Бишкек.

Дисклеймер

Данная публикация была подготовлена в рамках Миграционной обсерватории Пражского процесса. Пражский процесс финансируется Европейским Союзом через Инструмент партнерства по миграции (MPF), который реализуется Международным центром по развитию миграционной политики (ICMPD).

Автор: Доктор Кьяра Шисса

Макет: Оксана Калайда